

В. Я. ЕВСЕЕВ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ КАРЕЛ И ДРУГИХ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ

Сравнительно-историческое изучение развития колыбельных песен прибалтийско-финских народов, как и произведений ряда других жанров финно-угорского фольклора, советскими филологами не велось. Отдельные обобщения в этой области сделаны автором настоящей статьи несколько лет назад при разработке и чтении курсов лекций по карельскому и финскому народно-поэтическому творчеству и фольклору других финно-угорских народностей в Петрозаводском государственном университете.

Отдельные финские фольклористы интересовались колыбельными песнями разных прибалтийско-финских народов лишь в связи с изучением других жанров, либо посвящали им сравнительно небольшие по объему статьи описательного характера.

Перу В. Сальминена принадлежат две статьи о финских колыбельных песнях, которые он считает типологически очень древним общим наследством финнов, карел, ижор, води, эстонцев.¹ Некоторую дань байкам, которые слагали взрослые или подростки-няньки при укачивании ребенка в люльке, отдал и крупнейший современный финский фольклорист М. Хаавио.² В его очерках о финском народно-поэтическом творчестве раздел о колыбельных песнях написан в свете финской географо-исторической школы его женой — Э. Энярви-Хаавио.³ В духе той же школы выдержана статья переводчика «Калевалы» на итальянский язык П. Э. Паволини, сравнившего финские байки из сборника «Кантелетар» с южноитальянскими и греческими колыбельными песнями.⁴

Наиболее крупное исследование о финских байках принадлежит Л. Лайхо⁵, который сопоставляет финские и западноевропейские колыбельные песни, анализируя разные их типы. Из финских колыбельных песен он выделяет западно- и восточнофинские типы. Л. Лайхо отмечает, что финским вариантам баек соответствуют шведские, норвежские, исландские, датские, немецкие, голландские, французские варианты.

¹ V. Salminen. Tutkimukselle tärkeä kehtolaulu. Kotiseutu, 1917, стр. 1—4;
V. Salminen. Yhteissuomalainen lasten viihdytyslaulu. Virittäjä, 1934, стр. 245—251.

² M. Haavio. Tuuti tuonelle tytärtä. Naisten lehti, 1921, стр. 314—316.

³ M. Haavio. Suomalaisen muinaisrunouden maailma. Porvoo—Helsinki, 1935, стр. 166—177.

⁴ P. E. Pavoliini. Kehtolauluista. Kalevalaseuran vuosikirja, 1925, стр. 17—31.

⁵ L. Laiho. Kommnicht, Frost, in die Stube. Studia Fennica, IV, 2, Helsinki, 1940, стр. 51—198.

Автор исследования явно выискивает западноевропейские параллели финских колыбельных песен.

Нельзя обойти молчанием и статью А. Рейма, в которой анализируются отдельные западнокарельские байки. В них внимание автора привлекает, главным образом, появление христианских имен и мотивов¹. Как и Л. Лайхо, с позиции типологического метода колыбельные песни в Финляндии изучает Е. Лоуко². В ее статье дана классификация по типам тех карельских и финских колыбельных песен, где выражается отчаяние матери, предпочитающей видеть своего ребенка мертвым, лишь бы ему не пришлось терпеть таких же лишений, какие выпали на ее долю. Из выделенных Е. Лоуко девяти типов колыбельных песен одни распространены более широко, другие имеют более узкие границы бытования. В частности, колыбельные песни «Туути, дитятко в Туонелу» (Tuuti lasta Tuonelaan) и «Спи, спи, луговая птичка» (Nuku, nuku, pömmilintu) встречаются по всей Финляндии, северной Карелии и среди финнов Ленинградской области, и более ограничен перечень тех местностей, где появляются байки «Туу, туу в могилу» (Tuu, tuu hautaan), «Приходи-ка, смерть, навстречу» (Tule surma vastaan), «Приходи, смерть, по болоту» (Tule surma suota myöte) и другие.

Возможности для изучения колыбельных песен прибалтийско-финских народов определяются записями десятков тысяч вариантов карельских, финских, эстонских, водских баек, опубликованных в разных финляндских и эстонских изданиях³. К сожалению, русский читатель, не владеющий прибалтийско-финскими языками, не может знакомиться с этими материалами, так как в переводе на русский язык они почти не публиковались. По отношению к XIX веку имеется лишь краткое свидетельство Н. Лескова⁴ о том, что в качестве колыбельной песни у южных карел употреблялась кумулятивная песня «Тийтту калуа эй суа» (Тит рыбы не поймал), «Тийтан лапсэд нялгях куолтих» (Дети Тита с голоду померли).

Отдельные колыбельные песни карел и вепсов опубликованы в музыкально-фольклорных сборниках, изданных в Карелии в 1941 и 1962 годы⁵. В связи с незначительным количеством текстов песен, да и то доступных советскому читателю в переводе на русский язык, в подтверждение своих обобщений мы вынуждены максимально цитировать отрывки, а иногда полностью прибалтийско-финские колыбельные песни с литературно-прозаическим их переводом на русский язык.

В настоящей статье использован сравнительно-исторический материал из колыбельных песен не всех финно-угорских народов. Не использованы материалы по детскому фольклору мордовского, удмуртского и коми-народов, однако и у этих народов встречаются мотивы, генетически общие с байками прибалтийских финнов. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, кратко скажем о некоторых колыбельных песнях коми, удмуртов и мордвы.

¹ A. Reima. Karjalaisista kehtolauluista. Kalevalaseuran vuosikirja, 1953, стр. 150—161.

² E. Louko. Aidin toiveita kansamme kehtolauluissa. Kalevalaseuran vuosikirja, 1957, стр. 129—140.

³ В настоящей статье мы чаще ссылаемся на издания «Suomen kansan vanhat runot», I—XIV, Helsinki, 1908—1948 (сокращенно KVR) и «Карельские эпические песни», М.—Л., 1950 (сокращенно КЭП). Эстонские и другие источники даются без сокращений.

⁴ «Живая старина», 1894, вып. I, стр. 26—27.

⁵ Песни народов Карело-Финской ССР. Сост. Н. Леви и В. Гудков. Петрозаводск, 1941, стр. 30—31, 83, 97, 99; Карельские народные песни. Сост. Л. Кершнер. Науч. ред. Е. В. Гиппиус и В. Я. Евсеев. М., МузГИЗ, 1962.

Типичному для прибалтийско-финских баек припеву *tuuti, tuuti* у коми-зырян в разных вариантах колыбельных песен соответствует то *dudo, dudo*, то *dude, dude*, то *duda*¹, притом некоторые из этих вариантов контаминируются с широко распространенной у всех прибалтийско-финских народов и встречающейся как у коми, так и удмуртов² вопросно-ответной кумулятивной песней типа: «Где огонь?» — Вода потушила. «Где вода?» — Бык выпил.³

Например, колыбельная песня у коми содержит следующие стихи:

Dudo, dudo, kiŋse medin?	Дудо, дудо, куда идешь?
Tošes vuzávnis...	Бороды продавать...
...biis sotem.	...В огне сожжен.
Ken-ja biis?	Где огонь?
Vais kušedem.	Водой погашен.
Ken-ja vais?	Где вода?
Šed eškis duńgem.	Черный бык выпил.

Wichmann. Syrjänische Dichtung, стр. 290.

Примеры из удмуртских колыбельных песен нами не приводятся, так как у удмуртов колыбельные песни не имеют устойчивого текста⁴. В стдельных деталях удмуртские байки также сохранили сходство с колыбельной поэзией прибалтийско-финских народов.

Мордовские колыбельные песни, начинающиеся с припева *tutu* (как параллели, генетически связанной с прибалтийско-финским *tuuti, tuuti*), в ряде эпизодов совпадают с байками прибалтийско-финских народов, в которых, как увидим ниже, выражается желание матери вырастить своего ребенка пахарем. Согласно мордовской колыбельной песне к ребенку обращались со следующими словами:

Ťutu paľu ednāzā,	Туту, мой ребенок,
Kavat udi, kurēk kasi,	Спи долго, чтоб быстрее стал
Kvaka umañ sokama,	Длинный участок пашни,
Keli lexañ lasāma,	Широкую пашню бороздить,
Šatši sorāñ videma,	Отборные злаки сеять,
Atān avañ trāma,	Своих родителей кормить,
Oĩsu kapañ purāma.	Большую скирду ставить.

H. Paasonen. Mordwinische Voeksdichtung. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, XCI. Helsinki. 1947, 413—414.

Длительная разобщенность групп финно-угорских народов, отсутствие контакта между ними на протяжении последних двух тысячелетий привели к тому, что дальнейшее развитие общей древней основы их фольклора, в частности, их колыбельных песен, пошло разными путями и сходство между ними сравнительно невелико. Поэтому в данной

¹ Y. Wichmann. Syrjänische Dichtung Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, XXXVIII. Helsinki, 1916, стр. 290, 300, 329, 333; ср. стр. 337.

² Y. Wichmann. Wotjakische Sprachproben. Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja, XI. Helsinki, 1893, стр. 105.

³ В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 193.

⁴ Васильев, Буглай. Удмуртские песни. «Тр. Удмуртского науч.-исслед. ин-та». Сб. I. Ижевск, 1935, стр. 39.

статье анализируются байки, записанные преимущественно среди прибалтийско-финских народов.

Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов содержат значительное количество общих мотивов, по идейно-тематическому содержанию часто очень древних. Генетическая связь баек проявляется в сходстве художественной формы, поэтического языка, изобразительных средств.

Ритмика изучаемых колыбельных песен, как и произведений многих других песенных жанров прибалтийско-финских народностей, основана на четырехстопном хорее и лишь в отдельных случаях позднего оформления баек значительно отклоняется от него. Такое отклонение наблюдается, например, в финских колыбельных песнях, записанных в юго-западной Финляндии, где подобно другим песенным жанрам (как лирическим, так и эпическим) появляется иной, более поздний ритмический строй. В частности, вместо обычного четырехстопного хорее трехстопный встречается в строго рифмованных стихах отрывка из западно-финской колыбельной песни, не лишенной материнского юмора.

Aa, aa, tuuti lulla,
Nyt on lapsi mulla,
Toinen taitaa tulla,
Jonk' on nimi Ulla.

Аа, аа, туути лулла,
Теперь у меня есть дитя,
Второе, видимо, будет,
Имя которого Улла.

KVR, XIV, 345; то же, XIV, 346.

Песни прибалтийско-финских народов, исполняемые при укачивании ребенка, довольно точно сохраняют закономерности развития тех фольклорных (преимущественно лирических) жанров, к которым они примыкают. В какой-то мере на ритмику баек влияли различные типы колыбелей, подвесных, либо установленных на изогнутых полозьях¹.

Другие особенности поэтического стиля колыбельных песен (рифма, сравнения, повторы, эпитеты, метафоры, метонимии, синонимии, параллелизмы, разная степень аллитерированности) свидетельствуют об использовании в общем тех же изобразительных средств, какие встречаются в карело-финских эпических песнях. В байках отдается лишь предпочтение иным поэтическим повторам. В рунах анафора, например, разработана больше, чем эпифора, а в карельских байках она выражается главным образом в повторе основного рефрена:

Tuuti, tuuti, lapsuttani,
Tuuti, tuuti, pienuttani,
Tuuti, turva naisen toisen.

Туути, туути, дитятко,
Туути, туути, маленькое,
Туути, опора женщины другой.

KVR, I, 1866.

Люли, люли, ласту пиэнду,
Люли, люли пиккарасту.

Люли, люли, детку крошку,
Люли, люли, маленького.

Песни народов КФССР, стр. 30.

Baji, baji, linduizeni,
Baji, baji, pikkarastu.

Баю, баю, пташечку,
Баю, баю, маленького.

Карельские народные песни, М., 1962, стр. 83.

В финских колыбельных песнях анафорический рефрен подобного рода основан на комбинированных повторам:

Aa, aa, tuuti lulla,
Aa tuutima lulla.

Аа, аа, туутима лулла.
Аа, аа, туутима лулла.

KVR, XIV, 345.

¹ Н. Тампере. Eesti rahvalaule viisidega. III, Tallinn, 1958, стр. 152.

Aa, vissa lullaa.

Аа, висса луллаа.

Там же, 446.

Aa, lullaa, lasta.

Аа, луллаа, ребенка.

Там же, 387.

Heijaa, lullaa, lasta.

Хейя, луллаа, ребенка.

Там же, 388.

Tuuti, lullaa, lasta.

Туути, луллаа, ребенка.

Там же, 389.

Tuu, tuu, tupakki rulla.

Туу, туу, понюшка табаку.

Там же, 931.

Анафорический рефрен *tuu, tuu* (туу, туу) характерен для ряда эстонских колыбельных песен, например:

Tuu, tuu, eiä eiä,

Туу, туу, эйа, эйа,

Tampere. Eesti rahvalaule viisidega, III, стр. 166.

Tuu, tuu, tuula luula.

Туу, туу, туула луула.

Vana Kannel, III, Tartu, 1938, I, № 174.

Только в отдельных случаях появляется анафора, построенная на повторе других слов. Например:

Muamo lasta liikuttelou,
Muamo lapsen uinottavi.Мать дитя качает,
Мать дитя усыпляет.*Архив КФАН¹, колл. 75.*

Или, например, в эстонской колыбельной песне:

Tule, tule, unekene,
Tule, uni, uksest sisse.Приходи, приходи, сон,
Приходи, сон, через двери.*M. Weske. Eesti rahvalaulud, II, Tartu, 1883, стр. 82.*

Эпифора прибалтийско-финских колыбельных песен значительно богаче и служит основой для возникновения рифмы. В качестве примера можно привести четко аллитерированные, спаянные эпифорической рифмой и эмоционально насыщенные эпитетами стихи колыбельной песни, в которых выявляется пародийная переделка диалога из руны о поездке Вайнямейнена в Туонелу. Приводим полностью эту колыбельную песню, записанную от известной певицы рун Анны Лехтонен:

Tuo venettä, tuohineiti!
Enpä jouva, joughineiti!
Mitä raa'at rasvaneiti?
Lasta katson, kaita neiti.
Kenen lasta, keltaneiti?
Omoani, olkineiti.Приведи лодку, берестяная девица!
Некогда мне, волосатая девица!
Что делаешь, жирная девица?
Ребенка качаю, тощая девица.
Чьего ребенка, желтая девица?
Своего, соломенная девица.*KVR, I, 1961.*

Типологически такой случай использования эпифоры в карельской колыбельной песне может быть очень архаичным, хотя по характеру раскрытия художественного образа через типизацию его в эпитетах, иронический оттенок в диалоге одной девицы с другой, укачивающей ребенка, мог появиться сравнительно поздно.

¹ Архив Карельского филиала АН СССР

Во всех отношениях достаточно древним случаем использования эпифоры можно считать, например, следующие строки эстонской колыбельной песни, с которыми мать, укачивающая ребенка, обращается к нему, как к одушевленному существу:

Kuku lapse kulmu pääle,
Lange lapse silma pääle,
Sihi lapse silma pääle,
Aseta asema pääle,
Vao lapse voodi pääle!¹

Кукуй на бровях ребенка,
Упади на глаза ребенка,
На те глаза ребенка,
Установись на место,
Борозди на постели ребенка.

Weske. Eesti rahvalaulud, II, стр. 82.

Архаичный случай использования эпифоры имеется также в стихах эстонской колыбельной песни, в которой мать обращается к самому ребенку, чтобы из него вырос

Karjaskäija, marjatooja,
Oguusta hebose tooja.

Пастух, ягод собиратель,
Из лесу коней собиратель.

Там же.

Аналогичные примеры применения эпифоры можно привести из колыбельных песен других прибалтийско-финских народов.

Ту же функцию, что и эпифора, в колыбельных песнях, как и в произведениях других песенных жанров, выполняет конечная рифма. С помощью повторения грамматических окончаний слов в карельских и финских байках чаще всего рифмуются парные стихи, как, например, в отрывке колыбельной песни, записанной на Карельском перешейке:

Mie se laulan lapselleni,
Lirittelen linnulleni.
Mie se laulan lapsen virren
Pitemmän kuin seinähirren.

Я пою ребенку своему,
Напеваю птенчику своему.
Я спою детскую песню
Длиннее, чем бревно в срубе.

VKR, XIII, 5186; то же, XIV, 559, 560 и др.

В этой колыбельной песне конечная рифма парных стихов возникает благодаря использованию параллелизма. Здесь видим, кроме того, типичный случай применения поэтических сравнений в байках.

Такой же пример конечной рифмы, построенной на повторении грамматических форм и на использовании поэтических сравнений и метонимии, отметим также в цитированной выше эстонской колыбельной песне:

Mina laulan lastadana,
Suisutelen sulgedana,
Kui see parti poegedana.

Я пою ребенку,
Напеваю перышку,
Как утка утенку.

Weske. Eesti rahvalaulud, II, стр. 82.

Показателен в этом отношении и другой пример, уже из эстонской колыбельной песни, где грамматическая конечная рифма опирается на параллелизм, дающий целый ряд поэтических сравнений:

Mina laulan lapselleni,
Nagu parti pojalleni,
Ematetre hellalleni,
Suokurge kullalleni,

Я пою своему ребенку,
Точно утка своему утенку,
Как тетерка любимому тетереву,
Как большая журавлиха журавлю.

Tamper. Eesti rahvalaule viisidega, III, стр. 166.

¹ Эпифора здесь образуется послелогом *päällä* — на.

Можно было бы проанализировать здесь и характерные для прибалтийско-финских колыбельных песен типы метафоры, метонимии, синонимии, наконец, особенности поэтического синтаксиса баек, в частности, случаи использования инверсии в них, но все эти особенности стиля баек лучше раскрываются в связи с изучением идейно-тематического содержания колыбельных песен.

В целом колыбельные песни прибалтийско-финских народностей по стилю обнаруживают много общего с произведениями других песенных жанров этих народов. Их байки чаще всего носят лирический характер, в них выражается отношение няньки, вынужденной укачивать чужих детей, к своему подневольному труду. Колыбельные песни, исполняемые перед люлькой ребенка, являются типичными трудовыми песнями. Поэтому в фольклоре прибалтийско-финских народов мотивы трудовой деятельности из произведений разных жанров, не только лирических, но и эпических песен легко вступают в контаминацию с колыбельными песнями. Например, мотив изготовления лодки Вяйнямейненом появляется как в стихе колыбельной песни, записанной от Мавры Хотеевой (из северной Карелии) в 1918 году:

Vesti vuorella venoista,

Тесал лодку на горе,

KVR, I, 2295.

так и в аналогичных стихах колыбельной песни севернокарельской певицы рун Анны Семеновой в 1948 году:

Vesti vuorella venehtä,
Kalskutteli kalliollla.

Тесал лодку на горе,
Изготавливал на скале.

Архив КФАН, колл. 26¹.

Случай контаминации фрагмента руны об изготовлении лодки Вяйнямейненом с колыбельной песней можно считать сравнительно поздним явлением, но возможность такой контаминации обусловлена древней взаимосвязью развития как эпических, так и лирических жанров народных песен. В приладожской Карелии отдельные варианты колыбельных песен включают заключительные стихи руны о состязании Вяйнямейнена и Ёукахайнена в пении (KVR, VII, 3810) и другие мотивы рун. Репертуар колыбельных песен у прибалтийско-финских народов отличается различием тематического разнообразия. У финнов и эстонцев он более разнообразен, чем у карел, видимо, потому, что в Финляндии и Эстонии отдельные архаические песни, ныне исчезнувшие и ранее рассчитанные на исполнение среди взрослых, потеряли свое бывшее значение и в деформированном виде отложились в колыбельных песнях. В карельских же колыбельных песнях лишь изредка наблюдается контаминация с ныне сохраняющимися эпическими песнями и произведениями других жанров. Соответственно этому даже в отношении своих мелодий колыбельные песни по характеру напевов, распетых, например, в жанре причитаний, или в случае речитативных напевов, основанных на «говорке», эпичны в своей основе.

Иногда древние карельские колыбельные песни разворачиваются в типичные эпические песни, например, появилась песня, композиционно напоминающая руну о ранении колена Вяйнямейнена и о его поездке по трем дорогам в поисках людей, способных остановить кровотечение. Согласно отдельным вариантам карельской колыбельной песни, так же

по трем дорогам едет сон и ищет ребенка, которого надо усыпить (ср., например, КЭП, 32). Значительное количество текстов карельской колыбельной песни о сне, ищущем ребенка, повествует о том, как

Uni ulkuo kysyy, Alta ikkunan anuu: «Onko lasta kätkyössä?»	Сон снаружи спрашивает, Под окном просит: «Есть ли ребенок в колыбели?»
---	---

KVR, I 4, 2323; ср. I 4, 2320—2328.

Мотив пребывания сна за окном появляется и в колыбельных песнях других прибалтийско-финских народов и может считаться древним. В эстонской колыбельной песне ко сну обращаются как к живому существу:

Tule, uni, uksest sisse, Astu, uni, aknast sisse.	Приходи, сон, через дверь внутрь, Шагай, сон, через окно внутрь.
--	---

*Weske. Eesti rahvalaulud, II, стр. 82; то же, Tampere.
Eesti rahvalaule viisidega, III, стр. 173.*

Как приглашение сну прийти через окно, так и просьба войти через дверь являются общими мотивами эстонских и карельских колыбельных песен. В карельской байке также посылают приглашение сну:

Tule, uni, uksen tuakse, Pienen lapsen pieluksuizih, Vagahaizen vuattehuizih, Suuren lapsen suuruksuizih.	Приходи, сон, за дверь, К подушкам маленького ребенка, В одежду несмышленного, В пищу большого ребенка.
--	--

Архив КФАН, колл. 75.

В отличие от карельских и эстонских баек некоторые финские колыбельные песни содержат мотив приглашения сна из-за печи:

Uni, tule uunin päältä, Paina lapsen silmän pääll.	Сон, приходи из-за печи, Опустись на глаза ребенка.
---	--

KVR, XIV, 598.

Tule uni uunin päältä, Unituohinen käsissä.	Приходи, сон, из-за печи, С берестяной снов в руках.
--	---

KVR, XIV, 691.

Приглашение сна к ребенку появляется и в водской колыбельной песне, где нянька одновременно обращается также и к ребенку:

Maka, maka, mairottele, Pieni pikkuraine! Lekuttelen, laulelen, Unta sille kutsun. Nukku, nukku, pieni lahsi, Pane silmät tšini!	Спи, спи, засыпай, Маленький, малехонкий! Я качаю, напеваю, Сон к нему приглашаю. Спи, спи, малый ребенок, Закрой свои глаза.
---	--

P. Ariste. Vadjalaste laule. Tallinn, 1960, стр. 13.

Одушевление сна, как и многих явлений природы, в исторической основе связано с древним мировоззрением людей доклассового родового общества. Поэтому неудивительно, если обращение ко сну как к живому существу появляется не только в колыбельных песнях прибалтийско-финских народностей, но и в байках многих народов мира. В этой связи можно считать ценным наблюдения П. Э. Паволини,¹ который, рассма-

¹ P a v o l i i n i. Kehtolauluista, стр. 20—25.

тривая карельские и финские колыбельные песни, опубликованные в «Кантелетар»¹, отмечает, что обращение ко сну содержится также в греческой колыбельной песне, а в южноитальянской байке у сна спрашивают: «Ой, сон, почему не приходишь?». Но отмечая это, П. Э. Паволини не раскрыл исторических условий возникновения древних, типологически сходных колыбельных песен у разных народов мира. Более глубоких обобщений можно было ожидать и от В. Сальминена², который отмечал широкое бытование очень архаичной прибалтийско-финской песни, исполняемой при укачивании ребенка и начинающейся со следующего образного обращения:

Tii-tii, tianen,
Vati-kuti, varpunen,
Missä sun pesäs on?

Тий-тий, синица,
Вати-кути, воробей,
Где твое гнездышко?

KVR, VIII, 1932; ср. VI, 1864—1866 и др.

Древняя символика колыбельных песен, разумеется, в значительной мере могла стереться, но метафорическое обращение к определенным птицам или замена имени ребенка названием птицы может быть объяснена первобытными запретами произносить настоящее имя существа, оберегаемого от «сглаза».

В западнофинской колыбельной песне также появляется обращение к ребенку:

Nuku, nuku, nurmilintu,
Väsy, väsy, västäräkki,
Tee pellolle pesäsesi.

Спи, спи, луговая птичка,
Уставай, уставай, трясогузка,
Сделай в поле себе гнездышко.

KVR, XIV, 661; есть другие варианты.

Со временем первобытная функция такого обращения-оберега исчезает, и в колыбельной песне сохраняется лишь метафора как изобразительное средство, утратившее связь с древней исторической основой. В словах:

Aa, aa, allin lasta,
Pienen linnun poika,

KVR, XIV, 330.

Аа, аа, ребенка гагары,
Маленького птенчика,

мы видим обычное эмоционально окрашенное иносказание.

Возможно, что древний символизм образа исчез и в следующем отрывке водской колыбельной песни:

Maka, maka, leppälintuni,
Minu leiveä-süöttäjä.

Спи, спи, птеник-горихвостка,
который будет кормить меня хлебом.

Ariste. Vadjalaste laule, стр. 17.

Женщины доклассового общества при укачивании своих детей в колыбели несомненно в какой-то форме выражали свои материнские чувства. К сожалению, о характере этих эмоций, об их эстетике трудно сказать что-то более определенное, так как древняя символика колыбельных песен в значительной мере утрачена.

¹ Kanteletar, Helsinki, 1840, II, 172—178.

² V. Salmi n e n. Yhteissuomalainen lasten viihdytyslaulu. Virittäjä, 1934, стр. 245—251.

Архаичные элементы баек частично могли сохраниться благодаря пародийному осмыслению их текста, в словарном отношении остающегося почти без изменений. Не только у восточных славян, но и у ряда финно-угорских племен, в частности, у мордвы, среди языческих божеств выделялся Чур. Эрзянские старухи говорили: «Вай, Чур-бас ванынзат» (Ой, бог Чур тебя увидит)¹. По-видимому, и у древних карел божество Чур было хранителем домашнего очага. Мотив «большого дома» Чурулы или Чура как коллективного жилища людей, относящийся к первобытно-общинному времени, сохранился в шуточной деформации севернокарельской колыбельной песни, начинающейся с иносказательного обращения к ребенку:

Nutšu, nutšu, nurmilintu,
Väsy, väsy, västäräkki,
Luatipa pellolla pesäistä,
Koivun oksalla kotie,
Asumusta aijan alla.
Läkkämäs, tsikkoin, Tšurulah,
Tšurulass' on suuri pirtti,
Uusi pirtti, vanha pirtti.
Avasimma oven.
Tšuppu on täysi neitosia.
Musta lehmä lattialla,
Ukko sarvesta pitää,
Akka alla lypsää.

KVR, I, 2281.

Спи, спи, луговая птичка,
Утомись, утомись, трясогузка,
Сделай на поле гнездышко,
Под березой свой домик,
Жилище под изгородью.
Пойдем, сестрица, в Чурулу,
В Чуруле — большая изба,
Новая изба, старая изба.
Откроем ее двери.
Угол наполнен девушками.
Черная корова на полу,
Старик ее за рога держит,
Старуха доит корову.

Этот мотив севернокарельской колыбельной песни в контаминации с эпической песней «Сватовство сына Коенена» появляется с несколько иной, пародийной, трактовкой образа:

Tšurulass' on suuri pirtti,
Syyvääh, juuvaah,
Kamkua katetaah,
Vehneä viillää,
Leävän ovi stolana,
Vasan nahka skuatterina,
Lampahan kapitat on lusikkoina,

KVR, I, 2158.

В Чуруле — большая изба,
В ней едят и напиваются,
Камковым покрывалом накрываются,
Пшеничный хлеб нарезают,
Стол — двери хлева,
Скатертью — шкура теленка,
Копыта овцы — ложками.

Совершенно ясно, что только травестия могла содействовать сохранению в этой карельской колыбельной песне древнего образа большого дома Чурулы.

Иногда в поздних записях этот дом в Чуруле назван новым, как например, в среднекарельской песне, опубликованной с нотной расшифровкой.

Läkkömmä čikoñ čurulah, Čurulassa uusi kodi.
Пойдем, сестрица, в Чурулу, в Чуруле — новый дом.

Карельские народные песни, стр. 98.

Упоминание в колыбельных песнях прибалтийско-финских народов птиц, зверей, домашних животных нельзя считать случайным: животные образы издревле сопутствуют колыбельной поэзии многих народов

¹ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, стр. 150.

и племен и восходят, в конечном счете, к тотемистическим воззрениям людей первобытного общества. Но в байках прибалтийских финнов встречается и архаичная символика, основанная на поэтическом сравнении ребенка с растением. Особенно часто в древних текстах финских колыбельных песен, содержащих упоминание рода и племени, появляется образ цветка черемухи:

Tuuti, tuuti, tuomenkukka,
Ei, se tiijä eukkorukka,
Mikä tulloo tuuvitusta,
Mikä kasvaa kannetusta,
Tullookos emollen turva,
Vai tulloo suvulle surjo,
Suvun surjo, heimon herja.

Туути, туути, цветок черемухи,
Но не знала старушка-бедняжка,
Что будет из убаюкиваемого,
Кто вырастет из воспитываемого,
Будет ли опора матери
И будет ли обуза роду,
Обуза роду и племени.

KVR, XIII, 5213.

Более четко и детально в прибалтийско-финских колыбельных песнях прослеживаются общие для карел, ижор, финнов, вепсов, води, эстов, саамов мотивы, отразившие историческую действительность эпохи феодализма; это, прежде всего, средневековые бытовые детали крестьянского труда. Впрочем, байки перечисленных народов выявляют в себе и некоторые существенные особенности, свидетельствующие о различных условиях эксплуатации крестьянства Карелии, Финляндии, Эстонии.

Очень коротко остановлюсь на прибалтийско-финской колыбельной песне, в которой молодая женщина, против воли выданная замуж за нелюбимого, обращается не к своему ребенку, а к любовнику, скрывающемуся вблизи от нее и ждущему свидания. В финских вариантах песни любовник представлен в образе мороза, в эстонских — в образе ветра, а для зашифровки обращения к нему через каждые два стиха появляется рефрен байки: «*Tuutima, luutima lasta*» (Туутима, луутима, ребенка). Эта финско-эстонская колыбельная песня содержит много бытовых деталей, воссоздающих картину средневековых условий семейной жизни. В присутствии нелюбимого мужа молодая жена сообщает время свидания находящемуся под окном любовнику:

Tule toissa torstakina,
Siit on viisas Viipurissa,
Tuutima, luutima, lasta.
Avain aitan ikkunan alla,
Viina ruusu ruumenissa,
Tuutima, luutima, lasta.

Приходи другой раз в четверг,
Тогда муж будет в Выборге,
Туутима, луутима, ребенка.
Ключ находится под окном,
Бутылка вина в мякине,
Туутима, луутима, ребенка.

KVR, VII, 3608.

Эту, широко бытующую по всей Европе, средневековую колыбельную песню детально анализировал Л. Лайхо. В западнофинских вариантах он выделяет иные детали — молодая жена либо указывает на то, что ее муж, вернувшийся из Питера, находится в избе, либо обращается к любовнику:

Alä tule, pakkane, tupaha,
Ko vihamiäs on muurin pääl,
Vaan tule ensi perjantaina,
Ko vihamiäs on markkinoil.

Не заходи, мороз, в избу,
Ненавистный муж на печи,
Но приходи в будущую пятницу,
Когда он будет на ярмарке.

Studia Fennica, IV 2, стр. 80.

Не повторяя Лайхо, мы можем добавить, что эта колыбельная песня имеет общие места со средневековыми финскими и карельскими балладами «Смерть Элины» и «Сестры, похищенные шведами».

На некоторые любопытные детали, отражающие средневековый крестьянский быт, обратила внимание и исследовательница финских колыбельных песен А. Рейма. Она пишет, что в байках показано, как постоянно занятая мать-крестьянка, укачивая ребенка, должна была попутно выполнять и другую работу:

Kätet kangasta kuttoot,
Jalat lasta liikuttiit,
Suu lauloi suloista virttä.

Руки ткут полотно,
Ноги укачивают ребенка,
Рот распевает колыбельную песню.

KVR, XIII, 5090.

В условиях феодализма крестьянка-нянька целыми днями сидела у колыбели помещичьих детей. Такие няньки, финки и ижорки из окрестностей Петербурга, сквозь горечь, вызванную подневольным трудом, выражали и своеобразный юмор:

Minun orjaks piti tulla,
Vieraan lasta laulamaan,
Tänäpäin on pässin päivä,
Huomispäin on Matin päivä,
Piian päivä ei milloinkaa.

Мне пришлось стать рабыней,
Укачивать чужого ребенка.
Сегодня у нас день барана,
Завтра — день Матвея,
День служанки — никогда.

Kalevalaseuran vuosikirja, 1953, стр. 156.

Там, где у финнов не было наследственной и личной крепостной зависимости крестьян от помещика, нередко формально свободная девушка-крестьянка из-за беспросветной нужды и нищеты попадала на длительный срок в долговую кабалу без права выхода из нее при любых условиях. Это отразилось, например, в восточнофинской колыбельной песне:

Tuuti toisen lasta,
Orjaks täydyi tulla mun,
Vapaa olin vasta.

Туути чужого ребенка,
Пришлось мне наняться в рабыни,
Только что была свободной.

KVR, VII, 3747.

В колыбельной песне девушка-нянька изображала не только свою тяжелую долю, но в иронической форме предлагала несбыточные условия, при которых она могла бы смириться со своей участью. Например, мотив оплаты труда певички, появляющийся чаще всего в карельских свадебных песнях, встречается иногда и в колыбельных песнях:

Laulanpa mie lapsellani,
Kieltä pieksän pienelläni,
Empä mie rahatta laula,
Kieltä pieksä pennilöittä.

Спою я своему ребенку,
Языком потреплю перед маленьким,
Но я не пою без денег,
Языком не треплю без пфеннингов.

KVR, I 4, 2271.

Эти строки, появившиеся в карельских свадебных песнях преимущественно из репертуара финских бродячих певцов-тейни, встречаются иногда даже в современных записях севернокарельских колыбельных песен. Например:

Empä mie rahatta laula,
Kieltä pieksä pennilöittä.

Ведь я не пою без денег,
Язык не треплю без пфеннингов,

Kopeikka koko sanalta,
Puoli puolelta sanua;
Laki laulajan kuluu.

Копейка за каждое слово,
Полкопейки — за полслова;
Небо во рту у певца стирается.

Архив КФАН, ксл. 12.

Впрочем, в карельских байках этот мотив явно наносный и случайный и не дает оснований для каких-либо серьезных выводов.

В приладожско-карельском варианте колыбельной песни появляется мотив требования натуральной платы за то, что девушка-крестьянка нянчит ребенка:

Ei se kulkku kuitta juokse,
Mieli mustilta vesittä,
Lagi Lallin kakkaroitto,
Kieli keitin piiraizitta.

Насухо из горла не выбегают
Мысли без черной водицы,
Без калачей Лалли,
Без пирогов язык не поворачивается.

KVR, VII, 3513.

Приводя этот отрывок колыбельной песни, А. Рейма совершенно не касается того, почему в ней встречается образ Lallin kakkarat (калачи Лалли). Известно, что финская историческая песня об убийстве епископа Генриха «худородным» Лалли за то, что епископ во время поста своей челяди разорил хозяйство Лалли, отразила крестьянские волнения в 1156 году в Финляндии. Имя Лалли, т. е. калачи Лалли, как метонимическое выражение хозяйства этого «худородного» крестьянина перешло и в произведения других жанров финского фольклора. Видимо, только такой глухой отголосок периода раннего феодализма в Финляндии и мог сохраниться благодаря переносу в карельскую среду в одиноком стихе карельской колыбельной песни. Отражение событий 1156 года в финской исторической песне сохранилось только благодаря явно поздней бездарной клерикальной антикрестьянской переработке песни¹.

Если «католическая церковь принесла в колыбельные песни имена святых»² часто без раскрытия образов этих персонажей христианской религии, то нет ничего удивительного в том, что колыбельная песня сохранила лишь имя «худородного» крестьянина-бунтаря Лалли, преданное церковью анафеме, но не дает описания действий, которые приписываются ему в финской исторической песне об убийстве епископа Генриха. Имя Лалли в вариантах колыбельных песен, записанных в местностях, охваченных в 1156 году крестьянскими волнениями, не сохранилось. Можно предполагать, что наиболее активные участники волнений после их подавления бежали на восток в северное Приладожье, чем, видимо, и объясняется сохранение имени Лалли в северно-приладожском карельском тексте колыбельной песни.

Интересные взаимосвязи в развитии карельских баек и колыбельных песен других прибалтийско-финских народов, отражающих крестьянский быт эпохи феодализма, выявляются в той группе произведений этого жанра, которая характеризуется обращением женщины, укачивающей ребенка, не к себе и не к другим взрослым, а к ребенку.

Иногда через колыбельную песню мать сообщала ребенку, где находится его отец. Например, в финско-ижорской байке говорится:

Isä meni Riigaan

Твой отец поехал в Ригу.

KVR, V₂, 1783.

¹ В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 256—258.

² A. Reima. Karjalaisista kehtolauluista, стр. 152.

В северноприладожском варианте колыбельной песни от имени своего дитяти мать обращается с просьбой к мужу:

Tule isä Inkeristä,
Viännä verkakaupungista,
Tuo ihelles ilveshattu,
Pojalles puotihattu.

Приезжай, отец, из ижорского края,
Возвращайся с сукном из города,
Привези себе рысиную шапку,
Своему сыночку шапку, купленную
в лавке.

KVR, VII, 3655.

В колыбельной песне, записанной на одном из островов финского залива, мать, убаюкивая ребенка, успокаивает его не только вестью о предстоящем возвращении отца, но и сообщением о приезде других родственников из разных мест:

Taatto tule Tallinasta,
Nanna Narvan kaupungista,
Vello tullee Viipurista,
Siso tullee Soikkolasta,
Setä tullee Suomen maalta,
Eno tullee Englannista.

Отец придет из Таллина,
Нанна из города Нарвы,
Брат придет из Выборга,
Сестра придет из Сойкколы,
Дядя придет из Финляндии,
Дядя по матери придет из Англии.

KVR, XII, 5460.

В варианте, записанном на другом острове (KVR, XIII, 6400), также сообщается о том, что отец придет из Таллина и Нарвы и привезет своему ребенку чаю, пряников и калачей. В тексте, записанном от известной финской певицы рун Ларин Параске, встречаем названия городов — Дудергофа и Выборга, откуда отец должен привезти сыну польскую шляпу (KVR, V, 1019).

Такая же географическая локализация характерна для колыбельных песен, записанных в юго-западной Финляндии. В одном из вариантов мать обращается к своему дитяти:

Heijali lullaa Helsinkiin,
Ja tussali lullaa Turkuun,
Pappa menee Helsinkiin
Ja tua sieltä korpuu.

Хейяли лулла в Хельсинки,
И туссали приезжает в Турку,
Отец едет в Хельсинки
И привезет оттуда сухарь.

KVR, XIV 496.

Но не у всех прибалтийско-финских народов колыбельная песня, в которой мать сообщает своему ребенку о предстоящем возвращении отца, содержит такую географическую локализацию. Например, в саамской байке, относящейся к этому типу песен, мать убаюкивает дитя следующими стихами:

Teñna munna vshätum,
PärnaDžamma vshatun,
Mañte tiBBi nohhaD;
Ele tunna tšiäru,
Kaŕe eñši poaŕa,
LuDDiiD vala psháŕta,
Uttsam pēsá purrav,
LóDè piärGu purrav,
Kšwəl è tšolmiiD purrav.

Так я убаюкиваю,
Дитя свое убаюкиваю,
Чтобы оно заснуло;
Ты не плачь,
Конечно, отец придет,
Еще и птиц принесет,
Чтобы малютка мог есть,
Птичье мясо есть,
Рыбы глаза есть.

Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, XL, Helsinki, 1918, стр. 246.

Карельские варианты колыбельной песни, сообщающей ребенку о приезде отца, также не дают развитой географической локализации, но в них отражен крестьянский быт и «чаяния народные» эпохи феодализма.

В этом отношении особый интерес представляют те колыбельные песни прибалтийско-финских народов, в которых соответственно общественным взглядам средневекового крестьянства выражалось желание матери-крестьянки в будущем видеть в своем ребенке пахаря или вообще кормильца. Поэтому рождению сына радовались больше, чем дочери. При убаюкивании дочери в одной из восточнофинских колыбельных песен пелось:

Tuuti, tuuti, tyttölasta,
Kunne poika suatanoo,
Suatanoo on leivän suaja,
Kyntäjä kyhättännöö.

KVR, VII, 3554.

Туути, туути, девочку,
Где сын родится,
Там будет кормилец,
Пахарь появится.

Надежды матери на то, что убаюкиваемый ею сын станет пахарем, выражены и в следующем отрывке эстонской колыбельной песни:

Ísuu, ísuu, suurõmbast...
Kündijäst ja külvijäst,
Musta mulla põõrijäst,
Siimne sisse sekäjäst!

Тсуу, тсуу, вырастай большим...
Пахарем и сеятелем,
Чернозем разрыхляющим,
Семена в землю бросающим.

Tampere. Eesti rahvalaule viisidega, III, стр. 179.

Это желание высказано и в водской колыбельной песне:

Mened adral tšüntämeä,
Ätšiell äessämeä,
Peltua lahkeas tetšemeä.

Пойдешь сохой пахать,
Бороной боронить,
Поле разрыхлять.

Ariste. Vadjalaste laule, стр. 17.

С вариантами этой колыбельной песни разных прибалтийско-финских народов перекликается севернорусская байка, записанная в Лодейном поле, в местности, прилегающей к местам расселения южных карел, вепсов, ижор. В этой песне мать называет сына пахарьком, а дочурку — жнеюшкой:

Баю, баю паренька,
На полянке пахарька,
На гулянке форсунка,
На беседе плясунка...
Баю, баю девушку,
На полянке жнеюшку.

О. И. Капица. Детский быт и фольклор. Л., 1930, стр. 61.

В колыбельных песнях прибалтийско-финских народов выражается желание видеть ребенка в будущем не только пахарем, но и пастухом. Одна из записей западнофинской байки содержит стихи:

Laulan lasta lamburiksi,
Kasva karjan paimeneksi,
Kylväjäksi, kyntäjäksi,
Siämenten sekottajaksi.

Пою, чтоб дитя пасло овец,
Выросло пастухом стада,
Сеятелем и пахарем,
Семена в землю бросающим.

KVR, XIV, 546.

Желание матери видеть своего ребенка пастухом появляется также в колыбельных песнях, записанных в юго-восточной Финляндии (KVR, VI, 1230; XIII, 5583).

В эстонской колыбельной песне мать советует сыну:

Tsuu, lasta, suurõmbast,	Тсуу, дитя, вырастай большим,
Kasu, lasta, karussõst.	Вырастай, дитя, пастухом.

Tampere. Eësti rahvalaule viisidega, III стр. 184.

В приладожско-карельской байке ребенку тоже предсказывается будущее пастуха.

Aa, tuutama lulla,	Аа, тутама, лулла,
Piäset lampaan paimeneksil	Будешь ты пасти овец.

KVR, VII, 3351.

Выражая надежды на счастливое будущее своего ребенка, мать вместе с тем в колыбельной песне высказывает свои опасения и боязнь, что на долю сына выпадет жребий на долгие годы идти в солдаты. В водской песне поется:

A ko hüppeäb arba soldatissi,	Если падет жребий идти в солдаты,
Siz jätäd adrad ätsieD,	Тогда оставишь соху с бороной,
Vana izeä, emeä,	Старого отца и мать.
Menet setitilelië,	Пойдешь по военной дороге,
Setipüsüka mäntsemeä,	Военное оружие нести,
Kërkeilnt vieroilnt vieremeä.	По высоким местам ходить.

Ariste. Vadjalaste laule, стр. 17.

Аналогичные мотивы имеются и в колыбельных песнях других прибалтийско-финских народов.

Мать понимает, что если рекрутчина обойдет ее сына, ему не избежать не менее тяжелой доли безземельного крестьянина и работы на дворянской усадьбе, где в изнурительном труде уже чахнет его мать. Эта горькая правда высказана в отрывке колыбельной песни, записанной на Карельском перешейке. Мать предвидит, что ее ребенок

Rikkahall tulee riihen puija,	Богатому будет работник на гумне,
Rahakkaalle roaateliija.	Имеющему деньги — работник.

KVR, XIII, 5650.

На дворянских усадьбах юго-восточной Финляндии помещичий гнет в условиях кризиса феодализма был настолько тяжелым, что в одной из финских колыбельных песен рабский труд на богатого дворянина сопоставлен со смертью:

Tätä lasta liekuttelen,	Этого ребенка укачиваю,
Surmalle suupalaksi,—	Смерти на закуску —
Orjaksi osalliselle,	В рабы счастливцу,
Rahakkalle raatajaksi.	Имеющему деньги в работники.

KVR, VII, 3583.

Неудивительно, что доведенная до отчаяния крестьянка-мать в колыбельной песне нередко желала смерти своему ребенку¹. Во многих сотнях вариантов колыбельных песен прибалтийско-финских народов упорно повторяется мотив *Tuuti, tuuti Tuonelaan* (Туути, туути в Туонелу, т. е. в край смерти, — KVR, VII, 3725).

Выражение надежды на смерть ребенка характерно не только для финских, но и для карельских песен, где страна смерти названа то Туонелой, то Туони (KVR, I, 1857—1859). Интересно отметить, что и в русских колыбельных песнях встречаются аналогичные пожелания смерти ребенку: «Бай, бай, да люли, хоть сегодня умри»².

Если ребенка нянчила его сестра, то, сознавая безысходность бедственного положения в своей семье, она призывала смерть не только к ребенку, но и к себе:

Tuuti, tuuti lasta,
Tule surma vastaa,
Lyö kurikalla kummastakkii,
Likkaa sekä lasta!

Туути, туути, дитятко,
Приходи навстречу, смерть,
Ударь дубиной нас обоих —
Няньку и ребенка!

KVR, XIII, 5403.

Страстное желание крестьян жить так же обеспеченно, как духовенство и бояре, приводило к тому, что при убаюкивании ребенка мать-крестьянка выражала надежду увидеть свое дитя в будущем таким же обеспеченным человеком, как и эти представители господствующих сословий. Сознавая несбыточность такой надежды, как видно из варианта, записанного в приладожской Карелии, она предсказывала, что ее ребенок будет пономарем или боярином (KVR, VII, 3689). Совершенно ясно, что эти термины могли прийти в текст колыбельной песни уже в средние века. В карельской колыбельной песне, записанной на территории б. Олонецкой губ., выражено пожелание матери видеть в ребенке не только будущего боярина, но и судью, чинившего правед:

Tuuti lasta tuomariksi,
Baiju lasta bajaraniksi.

Туути, ребенка — в судьи,
Баю, ребенка — в бояре.

KVR, II, 583.

В других вариантах этой колыбельной песни появляется лишь упоминание судьи (KVR, VII, 3688). В одном случае колыбельная песня, содержащая пожелание матери видеть сына судьей, исполнялась под аккомпанемент кантеле:

$\text{♩} = 54$

Tuudi lasta tuomarikse,
Suudijikse, riädijikse,
Muakunnan kurittajakse,
Kiiku kirjan kandajakse,
Muakunnan kurittajakse.

Тууди, ребенка судьей,
Судить, рядить,
По всему краю правед чинить,
Вырастай грамоты носить,
По всему краю правед чинить.

A. O. Väisänen. *Kantele ja jouhikko sävelmiä*. Helsinki, 1929, № 30.

¹ Tampere. Eesti rahvalaule viisidega, III, стр. 152—153.

² Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Ч. I. М., 1870, стр. 9.

Однако карелка-крестьянка сознавала несбыточность подобных желаний и хотя сдержанно, но все же выражала неприязнь к боярам, судьям, духовенству.

Tuuti lasta tuomariksi,
Tuomariksi juomariksi,
Kiiku kirjan kantajaksi,
Psalttarin pajattajaksi.
Ei papiksi pannakkana,
Ei luvata lukkariksi.

Туути, ребенка — в судьи,
В судьи, в пьяницы.
Качайся, чтоб стать писарем,
Певчим, поющим псалтырь.
Но в попы его не поставят,
Не обещают взять в пономари.

KVR, I 3, 1852.

Можно было бы продолжить обзор исторических отражений эпохи феодализма в колыбельных песнях прибалтийско-финских народов, прежде всего, в карельских байках, но уже из сказанного видно, что почти все тематически различные колыбельные песни этих народов типологически и композиционно сложились в условиях средневековья и пронизаны мировоззрением этого исторического периода. Все они, естественно, продолжали бытовать и при капитализме, и новые байки, исключая рассмотренные ниже литературные версии финских колыбельных песен, почти не возникали. В старых колыбельных песнях появлялись некоторые новые напластования эпохи буржуазного строя. Отметим некоторые из них в проанализированной выше колыбельной песне, выражающей желания матери видеть своего ребенка более обеспеченным. В этом отношении показательным можно считать появление новых строк в варианте карельской колыбельной песни, записанной в 1892 году в северной Карелии от крестьянки М. Марттинен, и не характерных для записей первой половины XIX века. Ее сын, преуспевавший в Финляндии коммерсант И. Марттинен, записал от матери колыбельную песню:

Tuuti lasta tuomariksi,
Kiiku kirjan kantajaksi,
Heilu herraksi hyväksi,
Virkamieheksi viriä,
Pokossalla porvariksi,
Supun suuren istujaksi;
Ei papiksi pannakana.

Туути, ребенка — в судьи,
Качайся, чтоб стать писарем,
Вырастай добрым барином,
Становись чиновником,
На погост — буржуем,
Сидящим в красном углу;
В попы его не поставят.

KVR, I, 1847.

Термин «porvari» (буржуа) прочно вошел в лексику произведений карельской народной поэзии, записанных во второй половине XIX века, тогда же он появляется и в колыбельных песнях.

Если убаюкивали девочку, то карелка-мать пела колыбельную песню, содержащую строки:

Tuuti, tuuti, tyttölasta,
Kauppamiehellä kanaksi,
Porvarilla puolisoksi,
Porvar aivoln nossattavi.

Туути, туути, дочурку,
В курочки купцу,
В жены буржую,
Буржуй рано будит.

KVR, I 3, 1848. Cp. KVR, I 3, 1860.

В другом варианте этой песни колыбель иносказательно названа красной лодкой, остальные стихи остаются почти без изменений:

Souvetahen veno punasin
Porvarille puolisoksi,
Kauppamiehelle kaluksi.

Будем грести в красной лодке
В жены буржую,
В забаву купцу.

KVR, I, 1837.

Торговые связи, осуществляемые севернокарельскими корабейниками и их хозяевами — крупными торговцами-капиталистами, простирались от Соловецких островов до западной Финляндии. Средствами сообщения чаще всего служили лодки. В Соловецкий монастырь и в Финляндию на «ярмарки невест» попутно возили карельских девушек. Не такой ли невестой, согласно карельской колыбельной песне, и хотела видеть свою дочь мать.

Souten Suomeen mänemmä...
Souamma Solovkoihin,
Mänemmä manastiriin.

Будем грести в Финляндию...
Погребем в Соловки,
Направимся в монастырь.

KVR, I, 1820.

В колыбельных песнях прибалтийско-финских народов постоянно сквозит озабоченность тем, за кого придется выдать дочерей:

Kelle tuutinen tytärtä,
Kelle lasta liekuttanen.
Tuutinenk tuvalliselle,
Vai tuuvin tuvattomalle,
Renkimiehille rekkee,
Purlakalle puolisoksi?

Для кого убаюкиваю дочь,
Для кого укачиваю дитя,
Убаюкиваю ли состоятельному,
Или убаюкиваю бездомному,
Батраку в сани,
Бурлаку в жены?

KVR, XIII, 5102.

В ряде текстов севернокарельской колыбельной песни выражается откровенное нежелание крестьянки-беднячки выдать свою единственную дочь замуж за богатого купца:

Empä anna ainuttani,
Liitä lempilintustani,
Pohatalla puolisoksi,
Kauppamiehellä kanaksi:
Aivoin pohatta nossattau.

Но не выдам единственную,
Не обручу любимую пташечку,
Не выдам богатому в жены,
Купцу — в курочки:
Богатый рано будит.

KVR, I, 1865.

Напластования эпохи капитализма, относящиеся к XIX веку, имеют и в других колыбельных песнях прибалтийско-финских народов. Финская колыбельная песня, начинающаяся со стиха: «Tuuti, tuuti, tupakkakarulla» (Туути, туути, понюшка табаку), композиционно сложилась уже в условиях феодализма, но нас интересуют встречающиеся в ней новые наслоения, из которых следует отметить упоминание владельца капиталистической мануфактуры — заводчика, якобы нанявшего кошку убаюкивать ребенка:

Kukas lasta souvattaa?
Kyllä kissa joutaa.
Kuka kissalle palakan maksaa?
Savotan suuri herra.

Кто будет для ребенка грести?
Кошка, конечно, свободна.
Кто будет кошке платить?
Большой барин с завода.

KVR, VII, 3786.

Упоминание завода, как отмечает А. Рейма¹, появляется также и в другой финской колыбельной песне, где модернизируется образ сна, призываемого к ребенку.

Если в большинстве вариантов колыбельной песни на вопрос, поставленный перед *Tupakkakarulla*, «Откуда он пришел?» следует ответ: «По дороге из Турку», то в тексте, записанном в 1915 году во время первой мировой войны, появляются стихи:

¹Reima. *Karjalaisista kehtolauluista*, стр. 157.

Tuu, tuu, tupakkarulla,
Mistäs tiesit tänne tulla?
Vettä myörön Saksan maalta.

KVR, XIV, 867.

Туу, туу, понюшка табаку,
Откуда узнал, как прийти сюда?
По водным путям с немецкой земли.

В записях, сделанных после первой мировой войны, сохраняется упоминание города Турку, но отмечается, что там властвует голод и что можно было бы остаться на немецкой земле:

Tuu, tuu, tupakkirulla,
Kuka sun käski tänne tulla?
Turus oli paha olla:
Silakka, suola ja leipä kova,
Kivikatu vastasa.

KVR, XIV, 942.

Туу, туу, понюшка табаку,
Кто тебе приказал прийти сюда?
В Турку было плохо жить:
Селедка, соль и сухой хлеб,
Каменная улица навстречу.

Kukas sun käski Turkuun tulla?
Mahroit pysyy Saksan maalla.

KVR, XIV, 946.

Кто приказал тебе прийти в Турку?
Мог бы остаться на немецкой земле.

Наслоения периода первой мировой войны появились также в той записи финской колыбельной песни, где дитя иносказательно названо луговой птичкой трясогузкой. Согласно варианту, записанному в 1915 году, ребенку пели:

Nuku, nuku, nurmilintu,
Väsy, väsy, västäräkki!
Tee pelloille pesäses,
Havun oksalle kotases,
Turun tielle tupases,
Saksan tielle saunases.

KVR, XIV, 648.

Спи, спи, луговая птичка,
Утомись, утомись, трясогузка!
Свей в поле свое гнездышко,
На хвойной ветке свою избушку,
На дороге в Турку свой домик,
На немецкой дороге баенку.

В текстах этой колыбельной песни, записи которых датируются XIX веком, вместо упоминания «немецкой дороги» появляется мотив дороги в Саволаксе, на которой трясогузка вьет себе гнездо.

Своеобразные зарисовки отдельных эпизодов, относящихся ко времени первой мировой войны, а также упоминание «жалкого царя Миколашки» встречаются и в варианте, записанном в 1917 году к северу от Петрограда:

Tuuvin, tuuvin tuomen kukkaa,
En vua tietänt eukko rukka
Poikaa tuuvitellessain,
Lasta liekutellessain,
Jot joutunt pojat polozet,
Sovan al mejjän sorjat...
Meijjän sorjat sottaa vievät
Ja molotsat Moskova,
Kiijättiit on Kiinalaa,
Sekä tunkiit Turkin mail,
Sekä antoiit Austriaal.
Sekä saattoit Saksan mail,
Veivät pistoolin pittooi,

Rautarassin kannantaa,
Tykin suuren suun ala...
Koi tuo kurja kuningas,
Ko lask kumman kuulumaa,
Sekä Mikko mielen köyhä,
Käi murri murhan töille.

KVR, V₂, 1787.

Тууви, тууви, цветок черемухи,
Но не знала старуха-бедняжка,
Когда сына убаюкивала,
Ребенка укачивала,
Что попадут бедные парни
На войну наши стройные...
Наших стройных ведут на войну,
Молодцев в Москву,
Отправляют их в Китай,
Также суют на турецкие земли,
Также отсылают в Австрию,
Также отправляют на немецкие
земли,
Чтобы они пользовались пистолетами,
Железное оружие носили,
Под дулом большой пушки гибли...
Ах, этот жалкий царь,
От которого чуда доносятся,
Этот слабоумный Миколашка
Шел, как кошка, мышей убивать.

Очевидно, этот уникальный текст финско-ижорской колыбельной песни сложился во время свержения русского самодержавия или в дни, предшествовавшие февральской революции в России. Хотя в нем многие стихи восходят к традиционным байкам, а некоторые к мотивам других народных песен, тем не менее здесь намечается попытка дать импровизированную картину всеобщей мобилизации, отправки солдат через Москву в Австрию, на немецкие земли и даже на турецкие окраины и в Китай. Исполнительница достаточно смело изображает жалкого русского царя — слабоумного Миколашку — убивающим солдат.

Таковы отражения эпохи капитализма в традиционных колыбельных песнях прибалтийско-финских народов.

В художественном отношении эти песни, претерпевшие некоторые изменения в период развития капиталистических отношений в деревне, значительно слабее ранних записей старинной колыбельной поэзии прибалтийских финнов, композиционно сложившейся в эпоху феодализма и пережиточно сохранившей в себе древние корни времен родового строя.

Распространение грамотности в условиях буржуазного общества способствовало тому, что написанные финскими поэтами колыбельные песни через массовые издания, через рабочие и иные песенники проникали в репертуар матерей-работниц и крестьянок. Иногда под влиянием литературных текстов частично изменялись и традиционные колыбельные песни.

Здесь можно, например, указать на то, что уже с 1905 года через песенники получила некоторую популярность рифмованная колыбельная песня, написанная поэтом С. М. Беллманом-Туокко, автором ряда рабочих песен. Песня начинается со следующей строфы, выдержанной в минорных тонах, вызванных политическим гнетом царского самодержавия и капиталистической эксплуатацией:

Pikku Kalle, nuku nyt:
Saat valvoa sa sitten,
Koska tulla ehtinyt
On aika murehittien.
Suru-saar on maa, ei muu:
Kukkiessaan surkastuu
Elo elävitten.

Маленький Калле, спи теперь:
Будешь бодрствовать ты тогда,
Когда ты успеешь узнать,
Что время печали настало.
Островом печали стала земля,
В цветении поблекнет
Жизнь живых.

Laululipas. Helsinki, 1905, стр. 188—189.

В последней строфе в подражание народным колыбельным песням выражено обещание матери сшить сыну lakki (шапку), а отца — привезти сыну takki (куртку).

Стилизация под традиционную колыбельную песню имеется и в стихотворении финского поэта Ю. Х. Эркко, которое кончается следующими строками:

Tuudin lasta maan valoksi,
En vahingon valkeaksi,
Tuudin toivojen tuleksi,
Työn jaloisen jatkajaksi.
Senpä tuudin tuikkeheksi,
Tähdeksi tähän talohon,
Maan hyväksi maineheksi,
Suuri-onnisten ilohon.

Тууди дитя просветителем,
Пусть не несет он несчастий.
Тууди — огнем надежды,
Продолжателем благородного труда.
Тууди — пусть будет он
Звездой в этом доме,
С хорошей славой в стране,
Радостью всех счастливых.

Lasten laulukirja. Lappeenranta, 1913, стр. 31.

Остается сделать некоторые замечания о судьбах колыбельной песни прибалтийско-финских народов в советскую эпоху и подвести некоторые

итоги. Прежде всего отметим роль советских поэтов, обогативших своими стихами на финском и русском языках репертуар колыбельных песен. Уже в 1923 году в периодической печати советской Карелии была опубликована на финском языке «Колыбельная песня детей рабочих», получившая распространение.¹ В начале 30-х годов поэт Я. Виртанен написал новую колыбельную песню, в которой мать, убаюкивающая ребенка, вспоминает об участии его отца в полярном дрейфе челюскинцев:

Merta käy taattosi tie,	По морю приходит путь твоего отца,
Voronin keskellä jään	Воронин посредине льда
Rohkeita kauaksi vie.	Храбрых ведет далеко.

J. Virtanen. Valittuja runoja. Petroskoi, 1956, стр. 274.

Песня была переложена на музыку и получила некоторое распространение. Карельский поэт Н. Лайне написал на финском языке колыбельную песню, стилизованную под традиционную байку:

Uni sua tuudittaa	Сон тебя убаюкивает,
Suljettuaan kaikki ukset.	Закрыв все дороги.
Kohta taattos palajaa,	Скоро вернется твой отец,
Sulle lahjaksi tuo sukset.	Тебе он подарит лыжи.

N. Laine. Lieksan lauluja. Petroskoi, 1958, стр. 108.

Колыбельные песни создавали и другие советские поэты, пишущие на финском языке.

Однако практическое применение, т. е. устное бытование колыбельных песен, написанных карельскими поэтами на финском языке, по всей видимости, было невелико. В советскую эпоху среди прибалтийско-финских народов СССР продолжают бытовать традиционные байки. Очевидно, через финских эмигрантов среди карел самого северного района Карелии получила распространение традиционная колыбельная песня, бытовавшая ранее в юго-западной Финляндии:

Tullinpa, rullinpa, tupakkarulla,	Туллин, руллин, табачный моток,
Mistä tiesit tänne tulla?	Откуда знал сюда прийти?
Heinäjärven heinätieta	По сенной дороге Хейняярви
Kirkon tyttäressä naimah.	На церковной дочери шел жениться.

Архив КФАН, колл. 2.

В одном тексте традиционной севернокарельской байки судья изображается не пьяницей, каким он показан в старых записях, а, наоборот, — трезвенником (Архив КФАН, колл. 3). В южнокарельском варианте колыбельной песни появляется новый, не встречающийся в других южнокарельских записях, мотив:

Kävys, uni, kätkyön tyveh,	Подойди, сон, к колыбели,
Liikutun lastu liekkariksi.	Укачиваю ребенка, чтоб стал он лекарем.

Архив КФАН, колл. 113.

Слово liekkari (лекарь) заимствовано из русского языка уже давно, но упоминаний о желании матери вырастить из своего ребенка лекаря в старых записях карельских баек нет, что дает достаточные основания считать этот мотив современным.

¹ Työläislapsen kehtolaulu. „Punainen Karjala”, 1923, 27 ноября.

Новой деталью в традиционной карельской колыбельной песне следует считать и то, что нянька, убаюкивая дитя, говорит о своих действиях во множественном числе:

Bajutamma lasta,
Baju pikkarasta,
Tule, uni, vastah.

Убаюкиваем ребенка,
Баю маленького,
Приходи, сон, навстречу.

Архив КФАН, колл. 48.

Старые карельские колыбельные песни впитали в себя тематически современные советской действительности наслоения. То же самое можно сказать о новых вепских байках. Фольклорист В. П. Гудков характеризовал записанную от шелтозерских колхозниц-вепянок в 30-е годы вепскую байку как «чрезвычайно интересный пример внедрения новой колхозной тематики в старый жанр колыбельной песни». Эта байка начиналась со слов:

Баю, баю Пешад, баю,
Баю, баю Пешенькад,
Желанныад Пешенькад,
Эйля мамадайж кодиш;
Мамайж колхозас раддаб,
Мамайж суурил радайжил.

Баю, баю Петю, баю,
Баю, баю Петеньку
Желанного Петеньку.
Нету дома маменьки;
Мать в колхозе трудится,
Мать работает ударно.

Песни народов Карело-Финской ССР, стр. 83, 99.

Необходимо признать, что такие переработки колыбельных песен приводили иногда к утрате глубоко поэтических старых художественных образов. В частности, из отмеченной выше новой вепской байки выпала такая поэтическая деталь, как приглашение сна к ребенку, и весь текст сводится к рассказу о том, как колхозница-мать, посеяв рожь, овес, ячмень и лен, посадив картошку, собирает огромный урожай и получает 300 трудодней.

В советскую эпоху продолжают бытовать и другие карельские традиционные колыбельные песни. Например, несколько лет тому назад на севере Карелии нами записана байка, содержащая следующие стихи:

Laulan, laulan pitän virren,
Pitemmän kui pirtin hirren,
Tule, sie, uni, uinottamah,
Tule sie, maku, muanittamah,
Tule, uni, ulkomuata,
Tule toisista kylistä.

Спою, спою длинную песню,
Более длинную, чем бревно избы,
Приходи ты, сон, усыплять дитя,
Приходи ты, дрема, заманивать,
Приходи, сон, из-за границы,
Приходи из других деревень.

Архив КФАН, колл. 2.

Характерно то, что, создав на основе этой байки новую колыбельную песню, северокарельская певица рун Т. А. Перттунен также отказалась от мотива приглашения сна к ребенку. Представляют интерес обстоятельства возникновения этой руны — колыбельной песни, повествующей о героине Советского Союза, молодой советской девушке-карелке М. Мелентьевой, прославившейся в годы Великой Отечественной

войны на Карельском фронте. Новую руну Т. Перттунен сложила как колыбельную песню, причем выбор жанра объясняется тем, что песня складывалась при убаюкивании больного ребенка, приемного внука сказительницы, взятого после окончания Великой Отечественной войны на воспитание из детского дома им. Марии Мелентьевой. Песня Т. Перттунен начинается так:

Miepä laulan lapšellani,
Kieltä pieksän pienelläni,
Laulanpa mie lapsen virren,
Pitemmän kuin pirtin hirren,
Laulan šovasta suuresta,
Sekä laulan, jotta taijan.
Taijan šanoja šuuria
Partisaanien tevoista...
Yksi oli nimeltäh Maria,
Melentjevin perehestä...

Я спою своему ребенку,
Языком потреплю перед маленьким,
Спою я детскую песню,
Более длинную, чем бревно избы.
Спою о великой войне,
Спою о том, что знаю.
Знаю я слова большие
О партизанских делах...
Одна была по имени Мария
Из семьи Мелентьевых...

КЭП, 206.

Имеются и другие случаи внесения советской тематики в колыбельные песни прибалтийско-финских народов. Но, очевидно, в целом развитие баек не может пойти по этой линии в силу ряда причин, в частности, потому, что функция колыбельной поэзии начинает изменяться. Даже в сельской местности маленькие дети значительное время находятся в детских яслях, где исключено убаюкивание в колыбели, а, следовательно, и исполнение колыбельных песен. Это ведет, например, к переходу олитературенных финских колыбельных песен в репертуар коллективов художественной самодеятельности. Литературные колыбельные песни финских рабочих советским фольклористам доводилось изредка записывать даже в последние годы. Такова запись новой финской колыбельной песни, сделанная в 1958 году в с. Парголово Ленинградской области, повествующая о том, что отец ребенка принес все в жертву за дело рабочего класса¹.

Если в Карелии процесс затухания колыбельной песни начался сравнительно недавно, то в Эстонии и в Финляндии, особенно в городской местности, эта тенденция наметилась уже в XIX веке. По этому поводу Х. Тампере писал, что «новые взгляды в деле воспитания детей, начавшие распространяться местами уже в конце прошлого века, отвергали целесообразность укачивания ребенка в колыбели. В связи с этим стали естественным образом исчезать и колыбельные песни»².

В наши дни среди карел и вепсов колыбельные песни также все реже используются по их назначению. Соприкасаясь с многоязычной средой и переходя на русскую разговорную речь, молодые матери — карелки и вепсянки — у колыбелей своих детей (если колыбели еще и сохраняются) избегают не только петь байки на своем родном языке, но и говорить в присутствии детей по-карельски или по-вепски. Традиционные карельские и вепские колыбельные песни, как и байки с новой тематикой, сохраняются в репертуаре женщин преимущественно старшего поколения, чаще бабушек.

Все это позволяет лишь условно говорить о современном советском периоде бытования колыбельных песен прибалтийско-финских народов, песен, возникших в глубокой древности и с новыми наслоениями сохранившихся до наших дней.

¹ Архив КФАН, колл. 152.

² Тампере. Eesti rahvalaule viisidega, III, стр. 152,

Из вышеизложенного можно заключить, что не все колыбельные песни прибалтийско-финских народов первоначально возникли как байки. Некоторые из произведений песенного творчества по каким-либо причинам (либо в силу своей устарелости, либо по социальным мотивам), не сохранившиеся в песенном репертуаре взрослых, переходили в детский фольклор, в частности, в репертуар нянек или матерей, убаюкивавших в колыбели своих детей. Возникавшие таким образом колыбельные песни по своему содержанию далеко не однородны. Как уже отмечалось, отдельные мотивы в них очень архаичны. В равной степени к байкам прибалтийско-финских народов относится то, что отмечает в своей статье В. Гребле по отношению к латышскому фольклору, предназначенному для убаюкивания детей: «Колыбельные песни по своему малому объему могут быть причислены к группе самых старых народных мелодий и могли возникнуть уже в дофеодалный период». Автор не без оснований утверждает, что «колыбельные песни в большой своей части отражают жизнь периодов феодализма и капитализма»¹.

Мы убеждены в этом, и в настоящей статье пытались показать, как в изменении содержания колыбельных песен прибалтийско-финских народов отразились разные исторические периоды их жизни. Можно согласиться с О. И. Капица в том, что «темы колыбельных песен — общие у всех народов: призывание и олицетворение сна, увещевание и устрашение ребенка»², но в разных исторических условиях эти общие темы характеризуются определенным идейно-эстетическим содержанием, выраженным в соответствующей художественной форме. Поскольку родство прибалтийско-финских народов устанавливалось в конкретных исторических условиях, постольку, в частности, и место карельских баек среди генетически связанных с ними колыбельных песен других прибалтийских финнов может быть определено лишь их сравнительно-историческим изучением.

¹ В. Гребле. Латышский детский фольклор. «Тр. Ин-та фольклора», I, Рига, 1950, стр. 172.

² О. И. Капица. Детский фольклор. Л., «Прибой», 1928.